
ГЕНДЕРНЫЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ: В ПОИСКАХ АДЕКВАТНОГО ОТВЕТА

О.Б. Максимова

Кафедра социологии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Гендерные отношения в обществе имеют конкретно-исторический характер и подвержены трансформациям. Направленность и интенсивность данных трансформаций, происходящих в настоящее время как на Западе, так и в России, позволяет говорить о «гендерном вызове». В данной статье рассматриваются характерные тенденции изменения гендерных отношений в контексте глобализации, а также выявляются специфические элементы российского гендерного порядка.

Ключевые слова: гендер, пол, социальный прогресс, самосознание, идентификация.

В условиях интенсивного контакта и взаимопроникновения культур повышается значение устойчивости тех или иных объединительных доктрин, жизненных укладов и поведенческих традиций. Что касается гендерных традиций, то их взаимоотношение с глобальным фактором всегда носило двойственный характер. С одной стороны, гендер имеет если не универсальные, то, по крайней мере, интернациональные аспекты (например, мужчина — защитник, женщина — мать и т.п.). С другой стороны, именно гендерные локальные традиции оказывались наиболее устойчивыми и жизнеспособными в условиях экспансии глобальных доктрин (1). Таким образом, гендерный ракурс рассмотрения оказывается удобен для проявления соотношений универсального и особенного в условиях глобализации. Наконец, гендерный аспект очень хорошо проявляет связь индивидуального и социального, приватного и публичного, то есть тот самый человеческий фактор, который придает значимость факторам глобальным — не только для каждого общества, но и для каждого индивида.

Роль человеческого фактора, а также значение его гендерного аспекта в условиях межкультурного контакта легко обнаруживается при анализе глобальных процессов, происходивших в прошедшие исторические эпохи.

В частности, возникновение интернационального христианского мира в социальном пространстве Римской империи сопровождалось не столько противостоянием религий и идеологий, сколько борьбой за приватную сферу жизни, определяющей индивидуальное самосознание граждан. Рим допускал свободу вероисповедания, и конфликт идей и мировоззрений никогда бы не вылился в жесткую борьбу, если бы носил лишь абстрактный характер, без захвата приватной сферы. Не случайно, юридическим основанием гонений на христиан был закон против коллегий [1. С. 38]: запрещались не идеи, а совместные трапезы и другие собрания граждан, запрещалась альтернативная социализация, минующая традиционную семью и государство как следующий после семьи социальный институт, запрещались приватные круги общения. Римляне, обвиняющие христиан в подрыве

традиционных семейных ценностей, очень хорошо чувствовали связь стабильности общественного устройства с гендерным порядком общества. «Если они не хотят соблюдать общественной церемонии и воздавать почет председательствующим при этом, то пусть также отказываются от одеяния зрелости, от брака, от детей, от исполнения обязанностей, налагаемых жизнью...», говорится в дошедшем до нас в цитатах сочинении философа II в. Цельса [цит. по: 1. С. 201—202]. Надо сказать, что первые христиане следовали данному совету Цельса, отказываясь от римского «одеяния зрелости»: гендерная специфика христианских общин подчеркивается практически всеми исследователями этого вопроса.

Сейчас, как и две тысячи лет назад, происходит не столько борьба идеологий, сколько борьба за организацию частной жизни, за «круг общения», который в высокой степени определяется общностью гендерных представлений и встраивается в частную коммуникацию. Как в Риме I—II веков, так и в современном глобальном обществе жизненные ориентиры индивида определяются не столько «работой» (сферой профессиональной занятости), сколько «досугом», и досуг приобретает политическое, а не частное значение.

Аналогия просматривается и в том, что социальный прогресс Римской цивилизации был направлен в сторону формирования рационалистического мировоззрения, представленного в наиболее яркой форме Тацитом и Марком Аврелием; то же самое можно сказать о современном глобальном процессе, если отнести его начало к эпохе Просвещения. Но рациональная идеология не стала мировоззренческим ядром глобального общества в те времена (2000 лет назад), и мы постараемся показать, что и сейчас идеи универсалий разума, индивидуальной свободы и т.д. потеряли то мировоззренческое значение, которое они имели до начала двадцатого века. Эти идеи отчасти подменили религиозные ценности в национальных обществах, но интенсивный социальный процесс, который связывается с понятием глобализации в настоящее время, протекает уже под иной мировоззренческой эгидой, которая еще никак не обозначена.

Скорее всего, именно гендерный аспект оказался наиболее уязвимым местом либеральных и гуманистических реформ. Традиционные общества во многом ограничивали свободу индивида, но они предлагали внятные критерии взросления, то есть признаков гендерной состоятельности и путей ее достижения. В современных обществах добровольного соглашения свободных индивидов эти критерии становятся достаточно расплывчатыми, и поэтому индивидуальная задача взросления существенно усложняется, хотя на первый взгляд может показаться, что она упростилась и даже исчезла.

Поскольку творцы концепции «свободного индивида» являлись людьми, повзрослевшими именно в «несвободных» условиях, постольку они усвоили гендерные ориентиры этих условий, причем усвоили настолько хорошо, что воспринимали их как природные свойства, не зависящие от социального устройства. Соответственно, они могли не замечать социальной обусловленности своих представлений о том «индивиде», которого они мечтали освободить. Дело даже не в том, что индивид представлялся преимущественно мужчиной, как это правильно заметили

феминистские критики либеральной концепции [2. Р. 3—23]. Важнее, по-видимому, то обстоятельство, что он заведомо предполагался взрослым, а процесс взросления существенно зависит от социальных условий, в которых он протекает; тех самых условий, на преобразование которых и была направлена реформа. В принципе, любая реформа социального устройства в целях предоставления индивидуальной свободы предполагает высокую степень сознательности своих адресатов, но индивидуальная задача обретения сознательности, связанной с формированием зрелой социальной личности, усложняется по мере либерализации общественного устройства. Возникает парадоксальная ситуация: чем больше свободы общество предоставляет взрослому индивиду, тем сложнее ему стать таковым, то есть повзрослеть, обрести социальное и гендерное самосознание. Проблема усугубляется необходимостью воспроизводства критериев гендерной идентификации в поколениях, в особенности если учесть, что речь идет не столько об эталонах мужественности и женственности, служащих ориентирами в процессе социализации, сколько о критериях нормальности и недопустимости во всех аспектах гендерных отношений.

До недавнего времени этот парадокс имел скорее теоретический, нежели практический характер, так как разделение приватной и политической сфер жизнедеятельности и отнесение гендерных различий к приватной сфере позволило сохранить традиционные гендерные понятия в национально-ориентированных индустриальных обществах. Во второй половине двадцатого века ситуация коренным образом изменилась. Ускоренное развитие средств коммуникации, сопровождающееся интенсивными межнациональными контактами, привело к ослаблению авторитета локальных гендерных традиций, что не могло не вызвать некоторой дезориентации и дестабилизации гендерных процессов. Разграничение приватного и политического оказалось ослаблено настолько, что произошло не только смешение, но и частичное взаимное замещение этих сфер. В частности, если в индустриальных национальных государствах контролировалась социальная деятельность граждан (взрослых индивидов), а потребление, в широком смысле этого слова, считалось преимущественно частным делом, то в современных государствах всеобщего благосостояния (социальных государствах) направления деятельности контролируются в меньшей степени, чем сфера потребления. Предполагается, что сознательный индивид волен сам (приватно) выбирать сферу своей социальной деятельности, но государство контролирует сферу потребления (в том числе, потребление информации), а значит, в каком-то смысле, формирует его приватные желания, принимая активное участие в формировании его социальной личности, то есть в его воспитании.

По всей видимости, такое коренное изменение прерогативы государства произошло не в результате сознательной корректировки либеральной доктрины, но было вызвано необходимостью каким-то образом структурировать де-факто размытые границы приватного и политического. В это же время происходит изменение направленности феминистского движения: на смену либеральным феминисткам, стремящимся вывести женщин из приватной сферы в политическую,

в которой гендерные различия нивелируются, приходят сторонники реструктуризации политической сферы за счет признания социальной и политической значимости материнства, содержания домашнего хозяйства и других аспектов приватной жизни. При этом современные государства в своей политике все более внимательно прислушиваются к позиции феминисток. Если либеральным феминистским идеям понадобилось приблизительно двести лет для неполной социальной реализации в начале и середине двадцатого века, то современные концепции равноправия, учитывающие, а не исключаящие гендерные различия, реализуются уже на стадии разработки, причем не только в странах всеобщего благосостояния, но и в программах социально-экономического развития, разработанных для стран третьего мира [3. С. 2—3]. Получается, что как только женщины в результате длительной и упорной борьбы добились права выхода из социальной ниши низкого статуса, из приватной сферы, и стали конкурировать с мужчинами в изначально мужской социально-статусной иерархии, статус социальной ниши, из которой они вышли, существенно повысился: рождение и воспитание детей, организация домашнего хозяйства становится социально важной задачей, особенно в условиях демографического кризиса в развитых странах. Кроме того, в публичной сфере повышается роль качеств, традиционно характеризующих «женский стиль».

Разумеется, это весьма упрощенная картина, но если сопоставить ее с другими, также упрощенными, картинами социальных процессов двадцатого века, можно сделать некоторые заключения относительно природы глобальных социальных факторов современности.

Попробуем рассмотреть современный глобальный процесс в контексте экспансии рационалистического мировоззрения, начало которой обычно связывают с возникновением позитивных наук, с именами Декарта, Локка, Лейбница и т.д. (2). Естественно, в те времена речь не шла о всемогуществе разума: иррациональному, интуитивному познанию отводилась определенная, и очень существенная роль. Тем не менее, ограничения прерогативы разума не связывались с какой-либо социальной или культурной обусловленностью мышления и сама возможность построения унифицированной картины мира не вызвала особенно серьезных сомнений: полемика касалась, в основном, ее конкретных очертаний. За триста лет было построено здание науки, которую впоследствии назовут классической, и глобальные основания этого строительства не вызовут ни у кого сомнения до начала двадцатого века, когда стала создаваться наука, основанная на совершенно иных предпосылках, в которой объекты потеряли определенность положения в пространстве, а познаваемая структура мира стала зависеть от процесса ее познания. Все унификаторы познания, такие как однозначность, объективность, определенность, потеряли свою актуальность. Им на смену пришли неопределенность, относительность, соответствие, суперпозиции и т.д. Все попытки примирить новые теории с классическими понятиями потерпели крушение. Новая наука не заявляет об однозначности и объективности своих выводов. Она плюралистична и ориентирована на решение конкретных задач (3).

Создается впечатление, что прогресс отбросил свои мировоззренческие основания в то самое время, когда продуцирующее его общество восприняло их как

неотъемлемую часть своей идентичности. Тот универсальный здравый смысл, который центрировал рационалистическое мировоззрение, допустил сомнения в своей универсальности как раз тогда, когда усвоился не умом, а сердцем своих носителей. В тот момент, когда глобализация стала фактом социальной жизни, ее собирательная идея в корне изменилась. Сейчас это уже не рационалистическое мировоззрение, маркированное индивидуализмом и либерализмом. Весьма примечательным обстоятельством является точное соответствие ценностей отмирающего мировоззрения Нового Времени традиционным признакам маскулинности. В общем, можно говорить о возникновении (к середине двадцатого века) на европейском социо-культурном пространстве некой интернациональной общности, создающей своеобразный гендерный режим, воспринимающийся как патриархат. Та переоценка всех ценностей этого общества, которая началась в первой половине двадцатого века и продолжается до сих пор, является скорее актом рефлексии этого социума, то есть признания посредством отрицания. Характерным признаком этого объединения можно считать его локализацию преимущественно не в пространстве, а в деятельности: это общество объединяет скорее общая структура практики, чем общая территория проживания.

Таким образом, весь двадцатый век можно считать временем окончательного формирования, рефлексии и территориальной экспансии общества, центрированного рационалистическим мировоззрением и научно-техническим прогрессом. Эти процессы сопровождались поиском новых культурных оснований объединения человечества, так как уже в начале двадцатого века была четко выявлена полная несостоятельность исходной объединительной доктрины. Данные поиски имеют ряд особенностей, образующих своеобразный «мэйнстрим» современной доктрины.

Во-первых, пересмотр существующих ценностей не предполагает создания альтернативной ценностной системы, столь же однозначной, как прежняя. Скорее, подчеркивается значимость самого процесса пересмотра.

Во-вторых, состояние общества уже не воспринимается в контексте стационарных характеристик: оно имеет существенные динамический и интенциональные аспекты.

В-третьих, в фокусе рассмотрения общественных систем оказываются не усредненные модели, а пограничные состояния, проявляющие такие контексты, как: индивид — социум, приватное — публичное и т.п., с выделением роли обратных связей в этих контекстах. Соответственно, интенсивно развиваются междисциплинарные исследования, в том числе наблюдается повышенный интерес к гендеру, предельно четко проявляющему указанные контексты, причем этот интерес проявляется не только в науке, но и на всех уровнях общественной дискуссии.

Процесс интенсивного научного осмысления границы индивидуального и социального сопровождается процессом смешения приватной и публичной сфер социальной реальности, которая теряет однозначность своего определения. Поскольку область соприкосновения частного и публичного, сознательного и бессознательного, индивидуального и социального практически точно соответствует гендерной сфере бытия, постольку именно гендер представляется наиболее

адекватным индикатором перехода от мировоззренческой доктрины Нового Времени, построенной на бинарных оппозициях, к современной парадигме, снимающей определенность этих оппозиций. Не исключено, что подоплекой многих явлений интеллектуальной и культурной жизни общества в этот переходный период является гендерная рефлексия. В свою очередь, гендерная рефлексия может инициироваться той упомянутой нами выше гендерной дезориентацией индивида, которая возникает в условиях ослабления локальных гендерных традиций. Косвенным подтверждением такого предположения может служить отмечаемый многими исследователями феномен выравнивания полов [4. С. 84—87], который может отражать не столько появление новых доминант маскулинности и феминности, приписываемых андрогинному типу, сколько неудачи в деле формирования гендерной идентичности. Другими словами, этот феномен может в точности соответствовать нивелировке гендерных различий у детей и пожилых людей: в современных условиях, не предоставляющих четких ориентиров взросления, индивид может в каком-то смысле оставаться ребенком до самой старости. При этом взрослые, социально зрелые личности оказываются в дефиците (по-видимому, это касается в большей степени мужчин, чем женщин).

Опасность такой ситуации, как и почти всех гендерных проблем, связана, прежде всего, с необходимостью передачи гендерных значений следующим поколениям. Если индивид в процессе социализации усваивает противоречивые сведения о гендере; если нормы гендерного поведения, воспринятые от родителей в семье, не соответствуют тем гендерным эталонам, которые он или она получает из СМИ, в процессе общения со сверстниками, в школе и т.д., то гендерная идентификация будет опираться на какие-то бессознательные, преимущественно биологические предрасположенности. Например, такие частные, хотя и достаточно важные противоречия, как противоречие между традиционной гомофобией и современной тенденцией к лояльности к сексуальным меньшинствам, индивидуально разрешаются достаточно безболезненно. Но если в этом процессе ориентация на взрослых, пусть даже негативная, потеряет качество определенности, и образы СМИ, имеющие это качество, будут восприниматься как реальная, а не виртуальная альтернатива, результаты могут быть непредсказуемы. Между тем именно такая ситуация может возникнуть, если время «гендерной растерянности» затянется до масштабов поколения.

Таким образом, оценка гендерной реформы (перестройки гендерных порядков современных обществ) должна учитывать тот факт, что переходный период, сопровождающийся гендерной нестабильностью, может сыграть ключевую роль в том, каким будет результат этой реформы. Если под эгидой гендерного равноправия расшатываются сложившиеся веками гендерные традиции, то непосредственным результатом такой ломки может оказаться вовсе не равноправие, а достаточно турбулентные и неуправляемые процессы на фоне общего «падения нравов». Общим знаменателем процессов деформации гендерных традиций можно считать, как нам кажется, не столько повышение статуса традиционных доминант маскулинности, как полагают некоторые исследователи [2. Р. 3—23], сколько усиление

«фактора тела» во всех аспектах гендерных отношений, то есть повышение роли биологической составляющей в социальном определении гендера. Здесь нужно учитывать, что гендерные традиции включают не только модели парных взаимоотношений юношей и девушек и семейные нормы, но и сложные неписанные кодексы правил коммуникации между всеми половозрастными группами, а также принципы гендерной субординации внутри этих групп. В этой связи можно предположить ослабление авторитета пожилых людей; снижение значения жизненного опыта и волевых качеств в организации маскулиных иерархий и повышение значимости физической силы и умения применять ее в качестве аргумента; сведения женственности к сексуальности, а сексуальности — к внешним и биологическим признакам. Подобные тенденции можно наблюдать как в российской социальной действительности, так и в западных источниках (например, во многих фильмах взрослые мужчины разрешают принципиальные конфликты посредством рукопашного единоборства, как это принято у подростков).

Если повышение роли биологической составляющей социального определения гендера можно считать возможным последствием гендерной реформы безотносительно к направлению последней, то выделение каких-то общих тенденций в качестве универсального, возможного или желательного результата социальных преобразований не представляется возможным. Любое суждение о гендере предполагает субъективный аспект, который является не недостатком, а неотъемлемой и важной характеристикой таких суждений. Поэтому любое высказывание, любое теоретическое рассмотрение следует привязывать к конкретному социальному контексту. Например, попытка рассмотрения гендерного равенства в качестве универсального направления социального развития сразу наталкивается на неопределенность понятия гендерного равенства.

Как мы говорили выше, существуют различные подходы к определению равенства, и они принципиально различаются. Самое интересное, что неопределенность понятия равенства не мешает декларировать стремление к равенству во всевозможных программах развития социальной сферы развивающихся стран. Изначально эти программы были направлены, в основном, на либерализацию социальной сферы, то есть стимулировали вовлечение женщин в традиционно мужскую деятельность, в противовес традиционному разделению ролей. Помимо всего прочего, именно такая постановка вопроса о равенстве была актуальна из-за того, что эмансипация женщин, как показывает опыт, способствует снижению фертильности в перенаселенных регионах. Между тем в развитых европейских странах либеральная концепция равенства подвергалась острой критике и выявлялась актуальность учета гендерных различий, а не их нивелировки. Соответственно, социальное развитие европейских стран осуществлялось в ином направлении, и если либеральная модель в развивающихся странах считалась прогрессивной, то в развитых европейских странах ее сторонники уже выглядели и выглядят консерваторами. Характерно, что хотя реальная деятельность программ развития осуществляется преимущественно в либеральном направлении, в программах и отчетах международных гуманитарных организаций равенство опре-

деляется уже не как либеральная эмансипация, а в более современном смысле. В частности, в отчете Всемирного банка развития гендерное равенство понимается как «равенство результата» [3. С. 37—38], что предполагает не только либеральные преобразования, но и элементы позитивной дискриминации, учитывающие изначальные различия, и т.д.

Неоднозначность определений гендерных понятий накладывается на еще большую неоднозначность их применения в реальной жизни: гендерные отношения касаются преимущественно приватной сферы и существенно зависят от частных обстоятельств.

Рассмотрим такой, казалось бы, ясный пункт программ развития, как участие женщин в работе по найму. Предполагается, что в развитом обществе женщина имеет возможность работать по найму, а в отсталом обществе женщина не работает. Соответствующая статистика показывает, следовательно, степень отсталости общества. Если отвлечься от общих слов и посмотреть на любую конкретную ситуацию, то сразу возникает множество трудных вопросов. Например, очевидно, что любая женщина, независимо от своей отсталости, будет работать по найму только в том случае, если она того захочет. Если она не хочет работать, но вынуждена это делать в силу обстоятельств, то в чем здесь усматривается развитие? Если же ей что-то препятствует сделать сознательный выбор и устроиться на работу, то это препятствие она встречает не столько в абстрактном «обществе», сколько в своей семье. Причины несогласия ее родственников, в частности, мужа, с ее решением могут быть самыми разнообразными, и они совсем не обязательно связаны с гендерными стереотипами социально-ролевого разделения, с дискриминацией в семье. А разве исключен вариант, что условия действительной гендерной дискриминации могут оказаться не в семье, а именно в том коллективе, в который женщина собирается устроиться, и как раз это и является причиной сопротивления ее решению? И почему подразумевается, что мужчины работают по найму с удовольствием, а не по необходимости?

Социологические исследования не могут дать исчерпывающих ответов на подобные вопросы, и интерпретация их выводов должна это учитывать. В особенности это касается стран со сложной стратификационной структурой и неоднородностью культурных традиций, к которым относится Россия.

Однозначная расшифровка даже самых простых понятий, связанных с гендером и равенством, не выдерживает, как правило, даже самых легких испытаний реальностью. Если в приведенном выше примере с правом на труд можно, по крайней мере, теоретически допустить правильную интерпретацию для конкретных случаев, учитывающую весь спектр мотивировок и оснований, то в других случаях даже это представляется затруднительным.

Например, представляется совершенно очевидным утверждение о пользе образования, независимо от пола, национальности, возраста и социальной страты. Предполагается, что образовательные учреждения играют позитивную роль в обеспечении гендерного равенства: по крайней мере, именно так трактуются данные о гендерном распределении образования. Тем не менее, вопрос о соблюдении ген-

дерного равенства в образовании далеко не прост и не сводится к проблеме обеспечения равного доступа к образовательным программам. Разве здесь не имеет значения отмеченная многими исследователями [5. С. 93—110; 6. Р. 91—99] гендерная асимметрия как образовательных методик, так и содержания программ? Получается, что общество дает возможность девочкам поступить в школу, где они воспримут те же гендерные установки, что и в семье, с той только разницей, что стереотипы, усвоенные в школе, будут представляться более объективными и авторитетными. Если же они усвоят в школе не традиционные, а какие-то альтернативные, например, «западные», гендерные модели, то это только усугубит ситуацию, так как эти модели также не являются абсолютными эталонами равноправия. Здесь можно отметить, что в развитых странах среди исследователей вопросов гендерной асимметрии в образовании нет единогласия даже в ключевых пунктах. Например, остается дискуссионным вопрос о гендерной сегрегации в школах, причем существуют серьезные доводы как в пользу совместного, так и в пользу раздельного обучения. В частности, сторонники сегрегации аргументируют свою позицию тем, что существующие методики не учитывают качественных различий познавательных способностей мужчин и женщин и ориентируются, преимущественно, на мужской когнитивный стиль [7. С. 46—54].

Приведенный пример хорошо иллюстрирует как основной пункт теоретической полемики гендерного равноправия, так и альтернативные возможности разрешения спорных вопросов. Действительно, отсутствие единой позиции относительно правомерности сегрегации с точки зрения обеспечения действительного гендерного равноправия не означает, что до окончательного разрешения этого вопроса не следует открывать школ. Выбирается тот вариант, при котором школа будет более привлекательной для населения. При этом, несмотря на общую либеральную направленность программ развития, часто оказывается предпочтение раздельному обучению как форме, лучше соответствующей традициям. С учетом того факта, что либеральный вариант совместного обучения уже не вполне отвечает представлению о равенстве в развитых странах, не исключено, что переход к такому обучению не окажется необходимым компонентом развития.

Можно сказать, что представления об одномерности социального развития, универсальности здравого смысла и абсолютной ценности либерализма относятся уже ко вчерашнему дню европейского менталитета, тогда как позавчерашним днем можно назвать эпоху этнических и религиозных традиций. Соответственно, развивая страны, живущие в эпоху, соответствующую позавчерашнему дню европейской истории, европейцы ориентируются не столько на вчерашний, сколько на сегодняшний день, хотя его конкретные мировоззренческие установки не ясны еще им самим. Исчезает стремление к унификации, к единому шаблону. Появляется гибкость, плюрализм, лояльность.

Было бы ошибкой считать, что цивилизация в данный момент заинтересована в разрушении локальных культур: сегодня кризис рационалистического мировоззрения вынуждает относиться к локальным культурам совсем по-другому: подключить их к глобальным процессам если не в неприкосновенности, то и не разрушая

их социальные структуры до мельчайших составляющих. Локальные культуры воспринимаются глобальным обществом уже не в качестве потенциальной рабочей силы, но в качестве резерва человеческого капитала, в частности, как гендерный ресурс. Можно в этой связи вспомнить недавнее явление утечки интеллектуальных кадров, выращенных тоталитарным Советским Союзом и востребованных западным обществом.

Что касается гендерной картины современного мира, то в ней можно усмотреть как контуры традиционных гендерных моделей, в основном соответствующих границам национальных обществ, хотя эти соответствия и не точные, так и некие интернациональные модели, слабо связанные с территориями. Наиболее влиятельную из нелокальных гендерных моделей можно условно обозначить как буржуазный патриархат, подразумевающий четкое разделение приватной и публичной сферы, с формальным равноправием последней. Социальное желательное представляется здесь в форме меритократии, и женщина тяготеет к домашним обязанностям как наиболее к ним способная. Ей предоставляются равные с мужчинами права в публичной деятельности, где она конкурирует с мужчинами на равных условиях. Структуру приватной сферы можно понимать как усреднение традиций всех локальных обществ, продуцирующих этот нелокальный патриархат. Эта модель осуществляет либеральный принцип равноправия.

Другие модели, во многом альтернативные этой, представляют так называемые государства всеобщего благосостояния, или социальные государства. Несмотря на то что эти страны сконцентрированы в Западной Европе, модели их общественного устройства нельзя считать локальными: они учитывают традиции, но процедура учета представляется неким универсальным рецептом для локальных обществ, что позволяет построить социальное пространство объединенной Европы, избегая унификации. Здесь мы видим интенсивное взаимодействие приватной и социальной областей жизнедеятельности; позитивную дискриминацию, дающую женщинам преимущества в публичной сфере; повышение социального статуса приватной деятельности, включающей материнство, уход за детьми, ведение домашнего хозяйства и т.д. Наблюдается привлечение мужчин к домашнему труду и уходу за детьми, забота о женщине связывается с заботой о ее семье (нельзя помогать женщине в ущерб ее детям) [8. С. 28—29].

Здесь также наблюдается интересное явление переориентации значения слов «развитие» и «отсталость». В отличие от развивающихся стран, где приверженность традициям трактуется как отсталость, а развитие понимается как либерализация в широком смысле этого слова, толкование этих слов в европейском социальном пространстве почти противоположное. Так, склонная к либеральным идеям Великобритания считается отсталой страной в плане социального устройства, тогда как ориентация на традиционную семью в Норвегии не мешает ей входить в лидирующую группу [8. С. 25—26].

Что касается России, то в ее социальном пространстве присутствуют как локальные традиции, сохранившиеся с дореволюционной эпохи, так и специфическая гендерная конфигурация советского народа; вместе с тем, поскольку распад СССР

происходил на волне либеральных реформ, эти реформы привнесли существенные элементы гендерного порядка буржуазного патриархата. Появилась и критика этого порядка, но отправной точкой этой критики является не позиция равноправия, как это происходит в Европе, а позиция пошатнувшихся традиций. Термин «гендерное равноправие» понимается, в основном, в либеральном смысле, и мы критикуем стремление к равноправию как стремление женщин уподобиться мужчинам. Если в Европе такой феминизм также критикуется, но расценивается как пережиток индустриальной эпохи, то у нас он считается вредным новшеством.

В принципе, аргументация критики феминизма в российском гендерном дискурсе сводится, в основном, к достаточно сильной позиции, выраженной Л.Н. Толстым более 100 лет назад в работе «Так что же нам делать?». Напомним, что Толстой считал, что стремление женщин уравниваться в правах с мужчинами выражает желание примкнуть к паразитарному социуму индивидов, нарушивших естественный человеческий закон. Поскольку женщина в меньшей степени, чем мужчина, деградировала в процессе цивилизации, этот паразитарный социум составляют преимущественно деградировавшие мужчины, и как раз они и стимулируют постановку женского вопроса. Таким образом, согласно Л.Н. Толстому, женщина, заявляющая о своих правах, стремится уравниваться не с мужчиной-тружеником, а с паразитом человеческого общества. Естественно, такая позиция не потеряла своей актуальности и в современном мире, но она не учитывает тех кардинальных изменений соотношения частного и публичного, под знаком которых протекает социальный процесс последних десятилетий. Толстой критикует не столько феминизм, сколько свойственное новому времени разделение частной (естественной) и публичной сфер жизнедеятельности, при статусном приоритете последней. Либеральный феминизм действительно принимал это разделение, являясь продуктом своего времени, и в России, где никогда не было столь четкого возвышения значения публичной деятельности над частной жизнью, либеральные идеи всегда принимались не очень хорошо. Гендерное социально-ролевое разделение существовало всегда, но российский менталитет никогда не связывал соединение женщин с определенными социальными ролями, расположенными в частной сфере, с принижением ее статусной позиции. Скорее наоборот, такое разделение подразумевало выделение объекта почитания и преклонения, а не дискриминации. Достаточно вспомнить, насколько глубоко укорены в нашей культуре ценности материнства, с которыми связывался, например, культ Богородицы, а также более древние культы.

Либерализация публичной сферы происходила в нашей стране в своеобразных условиях социалистического социального устройства, и ее гендерная асимметрия не совпадает ни по своей структуре, ни по своим источникам с тем капиталистическим патриархатом, который образовался на неокOLONIALном пространстве. Многие проявления гендерного равноправия в обыденном поведении, очевидные для западного менталитета, у нас могут быть расценены как недостаточное внимание к женщинам со стороны мужчин, а наши эталоны гендерных отношений могут восприниматься как проявление неравноправного отношения, например, в США.

Вообще, либеральная идея нивелирования различий изначально не связывалась с идеей демократии: в частности, «отцы американской демократии» придерживались традиционных, консервативных взглядов на семейные отношения и другие гендерные аспекты. По всей видимости, либеральные идеи гендерной реформы возникли не от того, что традиции предполагали четкое и неравноправное разделение гендерных ролей, но как раз вследствие ослабления и частичного разрушения этих традиций, вплоть до пересмотра тех бессознательных очевидностей, на которых они основывались, произошедшего вследствие капиталистической индустриализации.

Дело в том, что гендерные традиции нельзя считать изначально неравноправными хотя бы потому, что они, как правило, не предусматривают никакой конкуренции полов. Просто в какое-то время традиционные гендерные представления перестали в точности соответствовать социальной реальности, в которой выделилась публичная сфера с неопределенным социальным наполнением, и действие этого фактора на приватную сферу обусловило сомнения в гендерном равноправии последней. Другими словами, было бы ошибкой считать, что только публичная сфера восприняла гендерную асимметрию частных отношений: скорее, конкуренция полов в публичной сфере поставила такой же вопрос и в приватной жизни.

Так или иначе, все существующие на сегодняшний день представления о равноправном обществе нельзя считать абсолютными: идея равноправия строится скорее как суперпозиция всех существующих моделей, чем как выделение какой-то одной на конкурентной основе. Ни одна из существующих моделей гендерного равноправия не предусматривает реализацию в чистом виде, поскольку такая реализация привела бы к абсурду. О несостоятельности либеральной модели в качестве абсолютного эталона мы говорили выше; недопустимость абсолютизации эгалитарной модели также достаточно очевидна. Например, если экстраполировать представительное квотирование до абсолютной социальной реализации, то мы получим не только равное представительство мужчин и женщин во властных структурах, но и преимущественное представительство людей без высшего образования, так как они составляют большинство.

Интернациональное обсуждение моделей социального устройства направлено не на выбор какой-то одной из них в качестве оптимального варианта с точки зрения реализации гендерной гармонии; эти модели создают своеобразную систему координат, в которой каждое общество может определить свое направление, с учетом специфики своей культуры. Таким образом, создается не единый гендерный ориентир, а единое гендерное координатное пространство, единая грамматика гендерного дискурса в рамках глобальной коммуникации. Это создает возможность активного участия обществ, вовлеченных в глобальную коммуникацию, в формирование интернациональной идеи гендерной гармонии.

Россия может внести свой весомый вклад в этот процесс, если найдет в себе силы отказаться от тех узких рамок восприятия западного мировоззрения, ограничивающихся подражанием или протестом. Если та ложная определенность «запада» в российском менталитете уступит место осознанию действительной картины

современного мира, где оппозиция «запад — восток» сложным образом переплетается с новой оппозицией «север — юг», причем и та, и другая оппозиция лишена однозначности, свойственной индустриальной эпохе; если мы поймем, что многие позиции современного информационного общества коренным образом отличаются от установок индивидуализма и рационализма и противостояние цивилизации и культуры осознано интернациональной интеллектуальной элитой как эпохальный кризис, то мы получим шанс существенно повлиять на глобальные процессы, а не оставаться их пассивными участниками.

Информационное общество, в качестве новой социальной структуры, можно считать восприимчивым западного индустриального общества в той же мере, в какой западная философия, начиная с экзистенциализма и структурализма, является восприимчивой немецкой классической философии. Либеральные идеи, достаточно трудно воспринимающиеся в российском социальном пространстве, являются атрибутом западного индустриального общества в большей степени, чем современного мировоззрения, плюралистического и неоднородного.

Социально-политический дискурс второй половины двадцатого века, в особенности его последнего десятилетия, проходит под знаком критики социальной структуры индустриального общества, в которой можно выделить как эволюционную, так и революционную позицию. Характерно, что западные представители революционной критической позиции, которую можно назвать экологической, зачастую сами не понимают, насколько их аргументация пронизана теми самыми предпосылками, которые они отвергают. Объявляя войну незыблемости, однозначности и универсальности категорий разума и очевидности здравого смысла, эти критики пытаются найти единственную, универсальную и очевидную, с точки зрения здравого смысла, альтернативу.

Уникальный опыт России, миновавшей в своем социальном развитии фазу построения капитализма, позволяет ей посмотреть на недостатки мировоззренческих предпосылок индустриального общества менее предвзято: эти предпосылки не настолько слились с субъективным фундаментом критической позиции, эгоцентризм и рационализм не стал нашей плотью и кровью. Многие из тех реформ социального устройства, которые воспринимаются в Западной Европе как социальное новаторство, являются для нас пройденным этапом: в частности, некоторые из скандинавских гендерных стратегий, особенно норвежская стратегия поддержки традиционной семьи, близки традиционным российским и советским представлениям. Кроме того, мы можем оказать существенную помощь в международных программах модернизации социальной сферы развивающихся стран, так как нам легче, по всей вероятности, поставить себя на место реципиентов инноваций, мы лучше представляем себе менталитет аграрных обществ и возможные негативные последствия либерализации социальной сферы. Как мы отмечали выше, идеологию современных программ развития нельзя считать капиталистической в чистом виде, а значит, наша помощь может оказаться полезной и потому, что мы лучше разбираемся во всех нюансах социалистических моделей, во многом инкорпорированных интернациональными программами. Ценность гендерных подходов

к анализу современного состояния общества определяется не только тем, что гендер фокусирует наиболее острые и актуальные проблемы современности; гендерный анализ общественных устройств лишен той необъективности и предвзятости, которая возникает из политической подоплеки. Например, иногда западные исследователи российской реформы гендерных отношений говорят о советском обществе как о прогрессивном социальном устройстве с точки зрения обеспечения гендерного равноправия [3. С. 230, 236, 241], хотя политическая оценка СССР как тоталитарного режима может быть негативной у тех же исследователей.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что современная повестка дня гендерных исследований не ограничивается рассмотрением «женского вопроса». Гендерные отношения охватывают социальную сферу в целом, включающую все половозрастные и социальные категории, отношения внутри каждой категории и взаимоотношения между всеми группами. Гендерная проблема актуальна не только для общества, заинтересованного в социальной стабильности и воспроизводства своего своеобразия в поколениях: гендерная проблема возникает в жизни каждого индивида в процессе его социализации, и именно этот, личностный ее аспект является тем общим знаменателем глобальных процессов, с которым можно связать «вызов глобализации». Проблема совсем не в том, что размываются социальные разграничения между мужчинами и женщинами: наблюдаемое смешивание мужских и женских ролей нельзя трактовать как феминизацию маскулинности и маскулинизацию феминности. Усложняется информационная среда обитания человека, и ради адекватной передачи подрастающему поколению основных сведений о состоянии этой среды оказывается необходимо участие мужчин в воспитании ребенка, а женщин — в общественной жизни. Сведения, полученные родителями от своих родителей, оказываются совершенно недостаточными, и родители ищут альтернативные источники. При этом отец, озабоченный воспитанием детей, не теряет мужественности от того, что помогает матери в ее предельно усложнившейся задаче воспитания, также как и мать, хорошо разбирающаяся в окружающей информационной обстановке, вынуждена для этого расширить свой кругозор, что никак не повредит ей в выполнении своих воспитательных функций. Также представляется очевидным, что в таких условиях повышается значимость тех социальных страт, которые исключаются из процесса непосредственного биологического воспроизводства, концентрируя гендер в его социальном, а не биологическом аспекте. Все эти процессы можно считать защитной реакцией социума на угнетающую динамику информационной среды, причем реакцией естественной, а значит, адекватной. Действительно серьезные опасения вызывает не столько перемещение границы мужского и женского, сколько размытость социального определения взрослого индивида, независимо от пола, затрудняющая и дезориентирующая процесс взросления и приводящая к некоторой инфантильности взрослых, не очень четко осознающих себя таковыми. Проблемы взаимоотношения полов в современной интерпретации гендерной асимметрии могут быть связаны с тем, что указанная неопределенность границы между взрослым и не взрослым индивидом в большей степени осложняет гендерное самосознание мужчин, так как социальная зрелость женщины, как правильно отмечал Л.Н. Толстой, достаточно хорошо детерминируется материнством.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Если проводить параллели между современной глобализацией и становлением христианского мира, то можно заметить, насколько безболезненно инкорпорировались в христианскую (глобальную) культуру такие элементы язычества, как масленица, майский день, купальские огни, святочные гадания и т.д., которые являлись существенной составляющей местных гендерных традиций.
- (2) Приблизительно в это же время изобразительное искусство начинает подчиняться закону перспективы, в музыке появляется теория звукоряда и гармонии, возникает современная светская литература.
- (3) Одновременно подвергаются пересмотру дихотомии души и тела, появляется психология бессознательного, возникают неканонические философские течения, не сформулированные в виде категорических доктрин. Появляются авангардные течения (в музыке, живописи), отвергающие принципы, доминирующие на протяжении более чем трех столетий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. — Репринт: Ярославль, 1991.
- [2] Connell R.W. Masculinity and Globalization // Men and Masculinities. — 1998. — №1.
- [3] Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы / Пер. с англ. — М., 2002.
- [4] Клецина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. — СПб., 2004.
- [5] Ярская-Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы: очерки гендерных исследований. — М., 2001.
- [6] Maher F. Toward a Richer Theory of Feminist Pedagogy // Journal of Education. — 1987. — V. 169. — № 3.
- [7] Виноградова Т.В., Семенов В.В. Сравнительное исследование познавательных способностей у мужчин и женщин: роль биологических и социальных факторов // Вопросы психологии. — 1993. — № 2.
- [8] Гардинер Ф. Гендерное равенство: типология государств всеобщего благосостояния // Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы / Под ред. Ф. Гардинер. — М., 2000.

GENDER CHALLENGE OF CONTEMPORANEITY

O.B. Maximova

Department of Social Sciences and Humanities
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklai str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Gender relations in modern society have their historical roots and are subject to change. The tendencies as well as the tremendous scale of transformations currently taking place both in Russia and in the West can be treated in terms of «gender challenge». The article deals with the typical trends of gender relations' transformations in the global framework as well as reveals the peculiarities of Russian gender order.

Key words: gender, sex, social progress, consciousness, identification.